

УДК 811.512.157;81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-175-186>

Оригинальная научная статья

Семантика и прототипы образной светоцветовой лексики якутского языка

А. В. Тимофеева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ aitalina0895@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению семантики и выявлению прототипов образных прилагательных и глаголов якутского языка, обозначающих темноту, свет и блеск. Методом сплошной выборки из лексикографических источников отобраны 36 лексем, которые объединены в группы по их исходному образному глаголу. Группы представлены по порядку нарастания степени светлоты, завершая обозначениями блеска. Проведенное исследование позволяет предположить, что образная светоцветовая лексика представляет отдельную группу в составе цветообозначающей лексики якутского языка. Семантика данной группы слов, в отличие от названий собственно «цветных» цветов, ранее не подвергалась развернутому описанию, хотя свет играет если не первичную, то ключевую роль, ведь при отсутствии света в темноте невозможно видеть и различать цвета. Предполагается, что именно человеческая способность видеть окружающий мир и воспринимать различные зрительные образы лежит в основе образных глаголов светового восприятия в якутском языке и производных от них образных прилагательных. Семантика такой лексики имеет сложную организацию, т. к. обладает целым комплексом таких сем, как динамика, темпоральность, форма предмета и т. п., но у глаголов светового восприятия объединяющим является сема светоцветового признака. Сравнительно-сопоставительный и этимологический анализы показывают, что образная световая семантика якутского языка, как и ее соответствующие глаголы, берет начало от монгольской лексики, многие лексемы обладают праалтайскими корнями. Исходя из их семантики в синхронии и диахронии, для некоторых групп образных слов выявлены прототипы – объекты окружающего мира, с которыми носители языка ассоциируют то или иное световое явление: темное месиво (группа образного глагола *будулуй*), темный силуэт (группа образного глагола *барый*), пыль, пепел, туман (группа *күдээр*), выцветшая трава (группа *кубарый*), солнечный луч (группа *сандаарый*), а также молочная пища (группа *тунаарый*, *туналый*), отблеск наконечника (группа *кылбаар*, *кылбэй*).

Ключевые слова: цветообозначения, световая семантика, образные глаголы, образные прилагательные, прототип, семантическое развитие, якутский язык, тюркские языки, монгольские языки, алтаистика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Для цитирования: Тимофеева А. В. Семантика и прототипы образной светоцветовой лексики якутского языка. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 175–186. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-175-186

Original article

Semantics and prototypes of figurative light and color terms in the Yakut language

Aitalina V. Timofeeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ aitalina0895@gmail.com

Abstract

The article studies semantics and prototypes of figurative adjectives and verbs of the Yakut language that denote darkness, light and gloss. 36 lexemes were selected via continuous sampling from dictionaries and then combined into groups by their parent figurative verb. The groups are presented in the order of increasing degree of lightness, ending with the designations of gloss. The study shows that the figurative light and color terms represent a separate group in the color-designating vocabulary of the Yakut language. Their semantics, unlike the names of the actual “colored” flowers, has not previously been subject to a detailed description, although the light plays if not primary, then key role, since in the absence of light it is impossible to distinguish colors. The human ability to see the world around and perceive various visual images underlies the figurative verbs of light perception in the Yakut language and the figurative adjectives derived from them. The semantics of figurative vocabulary has a whole complex of various semes as dynamics, temporality, object shape, etc., but their unifying seme is the seme of light. Comparative-contrastive and etymological analyses show that the figurative light semantics of the Yakut language, like their parent verbs, originate from Mongolian vocabulary, many lexemes have Proto-Altaic roots. Based on their semantics in synchrony and diachrony, prototypes have been identified for some groups of figurative words – objects of the surrounding world with which native speakers associate a particular light phenomenon: dark mess (group with figurative verb *будулуй*), dark silhouette (group with figurative verb *барый*), dust, ash, fog (*күдээр*), faded grass (*кубарый*), sunbeam (*сандаарый*), as well as dairy food (*тунаарый*, *туналый*) and the reflection of the tip (*кылбаар*, *килбэй*).

Keywords: color terms, light semantics, figurative verbs, figurative adjectives, prototype, semantic development, Yakut language, Turkic languages, Mongolian languages, Altaic studies

Funding. This research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project “Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”

For citation: Timofeeva A. V. Semantics and prototypes of figurative light and color terms in the Yakut language. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 175–186. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-175-186

Введение

Многие лингвисты, литературоведы и фольклористы чаще всего обращают внимание на собственно цветообозначения (черный, белый, красный), а лексемы, выражающие различные степени светлоты / темноты и блеск, исследуются как периферийное явление в рамках цветообозначений (далее – ЦО) черный и белый. Вместе с тем световая семантика в якутском языке представляет собой интересную и многоаспектную категорию, а одной из немногих работ,

рассматривающих ее как отдельную лексико-семантическую группу (ЛСГ), является статья Л. Л. Габышевой [1], однако в ней группа образных слов не подвергается детальному анализу. Свет и цвет, прежде всего, связаны с одним из пяти органов чувств – со зрением, с человеческим восприятием зрительного образа, поэтому весьма логичным представляется то, что в числе светоцветовых лексем обнаружен ряд образных прилагательных, обзору которых и будет посвящена настоящая статья.

Образная лексика является одной из наиболее интересных и выразительных лексико-грамматических групп якутского языка, отличающая его от многих других тюркских языков, указывает на связь с морфологией монгольского глагола [2]. В якутском языкознании лексико-семантическая и грамматическая характеристика образных глаголов дана в фундаментальной работе Л. Н. Харитоновой [3], а семантика образных имен прилагательных в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается С. Д. Егиновой [4]. Образные глаголы изучены с точки зрения их способности выражать пространственные значения [5–7], значения движения [8, 9], а также исследованы в сравнительно-сопоставительном аспекте — чаще всего с подобными словами монгольских языков [10, 11]. Тем не менее не так много работ посвящено анализу именно, как определил Л. Н. Харитонов, «глаголов, характеризующих световое восприятие», чем и объясняется научная новизна данного исследования. Семантика образной лексики имеет сложную организацию, т. е. одним словом выражается целый комплекс значений (динамика, темпоральность, форма предмета и т. п.), у глаголов светового восприятия главным является ‘светоцветовой признак’.

В рамках данной статьи помимо ахроматических цветов (белый, серый) рассматриваются обозначения светлоты, темноты и блеска. Изучаемый материал – 36 имен прилагательных цвета, образованных от образных глаголов, собранных методом сплошной выборки из лексикографических источников («Большой толковый словарь якутского языка» в 15 т. (БТССЯ), «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского в 3 т., «Диалектологический словарь якутского языка» (ДТС), «Диалектологический словарь языка саха»). Лексемы сгруппированы и расположены по шкале светлоты: темный – серый – бледный – светлый – белый – блеск. Методологической основой для проведения исследования стали: лексикографический, семный (компонентный), этимологический и сравнительно-сопоставительный анализы.

Семантика образных светоцветовых лексем проанализирована в сопоставлении с их этимологией и с параллелями в других родственных языках, предпринята попытка определить их прототипы – объекты окружающего мира, с которыми носители языка ассоциируют тот или иной цвет [12], т. к. эти объекты лучше всего представляют тот или иной цвет. Выделение прототипических предметов в якутском языке может помочь в понимании генезиса цветообозначений и выявить универсальные и специфические черты якутской свето- и цветообозначающей лексики.

Свет и цвет в образной лексике якутского языка

Как известно, цвет – это свойство материального предмета вызывать ощущение, которое человек получает от видимого излучения предметов при попадании в глаз света [13]. Из этого определения отмечается важный момент: свет является основополагающим в цветоопределении. В языкознании сложилась традиция рассматривать названия цветов (обладающих цветовым тоном) без учета лексем, обозначающих светлоту и темноту, а также блеск (которые таким цветовым тоном не обладают). Но И. Игтен писал: «Цвет – это дитя света, и свет – его мать» [14, с. 10], и действительно – свет лежит в основе каждого цвета, т. к. при отсутствии света в темноте человек перестает видеть и различать любые цвета.

Отсутствие и наличие света тесно взаимосвязаны со способностью человека видеть. В то время, как А. Вежбицкая ставит под сомнение универсальность категории «цвет» в различных языках мира, категорию «видение» она относит к «универсальному человеческому понятию» [12, с. 232], отсюда ученый выводит противопоставления: время, когда человек видит при свете (день – светлота – блеск) vs. время, когда человек не видит в темноте (ночь – темнота – тусклость). Она рассматривает семантику цветообозначений сквозь призму прототипических объектов, к примеру, для ‘черного’ – ‘ночь’, для ‘белого’ – ‘день’, ‘снег’, для ‘красного’ – ‘огонь’, ‘кровь’, и т. п.) [12].

В. Г. Кульпина пишет, что «в явлении света древним человеком было увидено множество тончайших оттенков, нюансов, видов, подвидов и разновидностей» [15, с. 11], свет является фундаментальным для культуры многих народов, и якуты не являются исключением – обнаружено большое количество лексем якутского языка, обозначающих различные степени светлоты и темноты, а также блеска – отражения света от поверхности. Поэтому в данной работе рассматриваются не только «традиционные» цветообозначения, но и «световая семантика» [1], к которым относим обозначения света, темноты и блеска в составе семантики образных глаголов якутского языка, т.е. цвета, не обладающие цветовым тоном.

Глаголы цвета, согласно Л. Н. Харитонову, входят в число непереходных глаголов, выражающих «изменение конкретных (чувственных) признаков и качества предметов», а по смысловому содержанию относятся к группе «Глаголы зрительного образа», «в значении которых преобладающую роль играет зрительное восприятие» [3, с. 209]. Среди образных глаголов зрительного образа вычленяется отдельная группа «Глаголы, характеризующие световое восприятие», Л. Н. Харитонов приводит перечень некоторых из них. Им же подчеркивается важный факт того, «что один и тот же глагол зрительного образа в своем значении может содержать два различных оттенка» [3, с. 210].

Образная лексика включает в себя большое количество оттенков значений – одна лексема может передавать целый комплекс значений: ‘светоцветовой признак’, ‘темпоральность’ (становиться белым, бледным), ‘динамика’ (блестеть, виднеться белым), ‘форма’ (виднеться темным силуэтом) и т. п. Зафиксировано 36 имен прилагательных якутского языка, производных от образных глаголов, поэтому представляется невозможным проводить семантический анализ без понимания природы такого вида глаголов. Данные имена прилагательные сгруппированы по их исходному образному глаголу и прототипу, от которого они произошли, группы представлены по шкале увеличения степени светлоты. Рассмотрим некоторые из них.

Обозначения темного цвета

Образный глагол: будулуй – прототип: темное месиво

Глаг. *будулуй* ‘становиться мутным от перемешивания, колыхания (о жидкости) или сильно волноваться, бурлить, бушевать (напр., о реке, море, вихре и т. п.) // становиться плохо видимым из-за чего-л. мутного (напр., тумана); тускнеть, мрачнеть’ [16, с. 479] > ЦО *будул* ‘мутный, тусклый как густой туман // сумрачный, малоосвещенный’ [16, с. 478].

Прототипом для лексемы *будул* ‘мутный, тусклый как густой туман // сумрачный, малоосвещенный’ [16, с. 478] можно считать темное месиво (туман, темное облако или каша). Само слово является адъективацией существительного *будул* ‘какая-то муть (напр., в виде облака, тумана), нависшая на небе, в воздухе’ [16, с. 477], также в якутском есть глагол *будулуй* ‘1. Становиться мутным от перемешивания, колыхания (о жидкости) или сильно волноваться, бурлить, бушевать (напр., о реке,

море, вихре и т. п.) // Становится плохо видимым из-за чего-л. мутного (напр., тумана); тускнеть, мрачнеть. 2. Бушевать вихрем, покрываться туманами или чем-л. подобным (об определенном времени года и т. п.) [16, с. 479]. В Этимологическом словаре монгольских языков (ЭСМЯ) обнаруживаются следующие родственные параллели: стп. монг. *budaya* ‘каша, крупа, пища, еда’, стп. монг. *budang* ‘туман, мгла’, стп. монг. *buduli-* ‘сбиваться с толку, замешкаться’ [17, с. 107], *büdeki* ‘тусклый, неясный, мутный’, стп. монг. *büdeg* ‘темнеть, смеркаться’ (ср. як. *бадык-бүдүк*, *бадыа-бүдүө* ‘утренние и вечерние сумерки’), стп. монг. *büdeger* ‘облачный, пасмурный’ и др. [17, с. 121]. В современных тюркских языках слова-параллели в основном имеют значение ‘каша’: кирг. *ботко*, баш. *бутка*, чув. *пăтă* ‘каша’ от др.-тюрк. *budyai* ‘пшеница’ [17, с. 107]. Видимо, форма *bud-* обозначает темную густую массу (облаков, тумана или каши), где темно и нечетко виден окружающий мир, что в переносном значении получило смысл ‘сбиваться с толку, замешкаться’.

Таким образом, семантическим прототипом данной группы может быть некое темное месиво (туман, темное облако или каша).

Образный глагол: барый – прототип: темный силуэт

Глаг. *барый* ‘в сумерках выделяться большим темным силуэтом, большой тенью’ [16, с. 220] > *барыар* ‘постепенно темнеть, смеркаться, становиться темным’ [16, с. 219] > ЦО *барыарбах* ‘темный, окутанный тьмой’ [16, с. 219].

В качестве однокоренных слов в якутском языке можно привести *бараан* ‘темный’ (в выражении *хара бараан* ‘1. смуглый; 2. описание постепенно наступающей темноты’ [16, с. 193]), *барык-сарык* ‘сумерки’, *барык* ‘непроглядная тьма; призрак’ и др. Образный глагол *барыар* является производным, что говорит о том, что основа будет выглядеть как *бар-*, семантический прототип данной группы светолексем еще древнее. В ЭСМЯ найдено большое количество однокоренных слов с похожим значением, например, стп. монг. *bara* ‘темно, сумрачно’, *baray* ‘темный, неясный, мрачный’, *barayan* ‘силуэт, очертание; темный, еле видимый вдаль’ и др. Интересно, что стп. монг. *barayi-*, халх., бур. *барай-*, калм. *бару-* также обладают схожей семантикой ‘затемняться, неясно виднеться’, а авторами словаря приводится якутская параллель *барый* ‘состариться; принимать в темноте странный, увеличенный вид; чернеться’ [17, с. 76–77]. Это позволяет нам соотносить также слова со значением *барый* ‘предполагать’ и его производных *барыл* ‘1. общее, внешнее очертание, контур чего-л. 2. предварительный набросок, наметки чего-л., эскиз’ [16, с. 221].

Семантический анализ семантики родственных основ в якутском и в монгольском языках показывает, что прототипом цветообозначений с основой *бар-* может являться очертание темного силуэта.

Обозначение серого, пепельного цвета

Образный глагол: күдээр – прототип: пыль, туман, пепел

Глаг. *күдээр* ‘быстро мелькать, мчаться, проноситься, поднимая пыль’ [18, с. 592] > ЦО *күдээркэй* ‘цвета пепла, серый’ [18, с. 594].

В Словаре якутского языка Пекарского находим лексемы *күдэн* ‘легкий туман, дрожание воздуха; облако, марево, туман, пар, мгла; чад; пыль, прах’ [19, стлб. 278] и *күдүө* ‘дым, пыль, мгла’ [19, стлб. 1280] с их многочисленными производными с похожими значениями – все они, вероятно, восходят к стп. монг. *küdeŋ* ‘халх. хүдэн, калм. күдн облако пыли или дыма; калм. испарение’ [20, с. 146]. Таким образом, ЦО *күдээркэй* ‘цвета пепла, серый’ является заимствованием из монгольского, и его прототипом можно обозначить пыль, туман, пепел, что отражено в словарной статье в БТСЯЯ.

Обозначения бледности

Образный глагол: кубарый – прототип: выцветшая трава

Глаг. *кубарый* '1. становиться бледным, бескровным, побледнеть (от волнения, болезни, невзгод, страданий и др.); 2. стать, становиться бледным, белесым, блеклым; тускло-светлым; светло-серым (напр., от солнца, ветра)' [18, с. 417] > ЦО *кубархай, кубарххай, кубархайдынгы, кубафай, кубафайдынгы, кубалай, кубалан*.

От образного глагола *кубарый* с помощью словообразовательных и словоизменительных аффиксов образованы несколько лексем, которые становятся исходным словом для образования других лексем:

> *кубархай, кубархай* '1. мертвенно-бледный, совершенно бескровный (обычно о лице очень больного человека); 2. тусклый, бледный, белесый; светло-серый (цвет)' [18, с. 417] > *кубархайдынгы* бледноватый, белесоватый (цвет) [18, с. 417];

> *кубафай* '1. бледный, бескровный (о лице); 2. бледный, тусклый; словно выжженный солнцем; бледно-голубой' [18, с. 415] > *кубафайдынгы* 'беловатый, бледноватый, бледно-голубой' [18, с. 416];

> *кубалай* 'бледный, тусклый; словно выжженный солнцем; бледно-голубой' [18, с. 415–416]; *кубалан* 'светло-серый, бледновато-серый' [18, с. 416]; 'бурый, светло-бурый - о масти оленя' [21, с. 119];

Исходная основа для этой группы предполагается как ПА. **kójbu* [22, с. 695], ср.:

– стп. монг. *qubaqai*, халх. *хувхай*, бур. *хубхай*, калм. *хуха* 'побелевший и увядший; засохший; голый, обнаженный (о чем-либо твердом, лишенном растительности или мякоти, например, о дереве, зернах в скорлупе, костях); мертвенно-бледный; калм. потертый, изношенный' [17, с. 76];

– кирг. *кубакай* 'бледный (о цвете лица)', *куба* 'белый, бледный, пепельного цвета'; < др.-тюрк. *quba* 'цвет между красным и желтым; саврасый' [17, с. 76];

– маньчж. *quwa* светло-желтый, соломенный цвет [17, с. 66].

В свою очередь, стп. монг. *quwa*, халх., бур. *ухаа, хуа, хуаа* 'каурий (о масти лошадей); светло-коричневый (о цвете); калм. *хо, хоо* светло-желтый, соловый (о масти лошадей); коричнево-желтый (о цвете)' [17, с. 76] могут соотноситься с як. *куу* в выражении *куу кумах* 'сыпучий песок' [18, с. 471] (ср. тюрк. *куу* 'желтоватый, сероватый') [19, стлб. 1186]. Здесь мы видим, что изначально основа *куу* использовалась для выражения желтого/коричневого цвета.

Таким образом, прототипом группы цветообозначений, в основе которых лежит образный глагол *кубарый*, возможно, является утративший насыщенность (который приобрел сероватый цвет) живой объект, скорее всего растительного происхождения, например, трава. Использование в качестве обозначения масти и окраса животных можно объяснить аналогией травы с волосным покровом животных.

Обозначения светлого цвета

Образный глагол: сандаарый – прототип: солнечный луч

Глаг. *сандаарый* 'испускать, излучать, распространять яркий свет; выделяться светлым ярким цветом' > ЦО *сандаархай, сандаарыгнас*.

> *сандаархай* 'яркий, светлый, излучающий свет; чистый, прозрачный' [23, с. 226];

> *сандаарыгнас* 'испускающий яркие лучи, излучающий, распространяющий яркий свет; выделяющийся яркостью, чистотой' [23, с. 225–227].

В «Этимологическом словаре монгольских языков» форма старописьменного монгольского языка представляется как *sanda-*, приводится параллель в киргизском *санда-* 'быть во множестве; разделяться на отдельные части, разъединяться' [24, с. 89–90]. Вместе с тем, ПТю. *йа:й-* – многозначный глагол, имеющий в разных тюркских языках такие значения, как 'расстилать', 'раскидывать', 'разбросать', 'рассеивать' (в том числе о свете) [25, с. 76–77]. Это позволяет сделать предположе-

ние, что прототипическим объектом лексем *сандаархай* и *сандаарыннас*, а также других однокоренных слов *сандаа* и *санда*, могут быть рассеянные солнечные лучи.

Обозначения белого цвета

Образный глагол: кылбаар – прототип: отблеск наконечника

Глаг. *кылбаар* ‘сиять белизной (издали), вырисовываться нарядным силуэтом (о чем-л. светлом, белом)’ [18, с. 223] > ЦО *кылбаар*, *кылбаархай*, *кылбаарытта*, *кылбаар*, *кылбалдыгас*, *кылбан*, *кылбаннас*, *кылбаран*, *кылбардыр(а)*, *кылбархай*, *кылбары*.

Данная группа является акающим вариантом группы с образным глаголом *килбэй* ‘отсвечивать, блестеть; лучиться, сверкать (о солнце); раскрыться, четко, ясно предстать перед глазами; заблестеть’ (см. ниже раздел «Обозначения блеска»).

Образные глаголы: тунаарый, туналый – прототип: отстоявшаяся жидкость (молоко).

Глаг. *туналый* ‘быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом’ [26, с. 115] > ЦО *тунал*, *туналбан*, *туналбаннаах*, *туналхай*, *туналы*, *туналыннас*.

Глаг. *тунаар*, *тунаарый* ‘неясно белеть, смутно просвечивать издали или в темноте (о чем-л. белом)’ [26, с. 111] > ЦО *тунаар*, *тунаархай*, *тунаархайдынгы*.

В данную группу включены две глагольные основы, которые, скорее всего, имеют общее происхождение. Рассмотрим их производные.

Глаг. *тунаар* ‘неясно белеть, смутно просвечивать издали или в темноте (о чем-л. белом)’ [26, с. 111]:

> (сущ.) *тунаар* ‘застилающий пеленой, дымчатый’ [26, с. 112] > *тунаархай* ‘бледный, блеклый; неясно видимый сквозь дым, с дымкой, туманный’ [26, с. 112] > *тунаархайдынгы* ‘бледноватый, блёклый’ [26, с. 113].

Глаг. *туналый* ‘быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом’ [26, с. 115]

> *туналыннас* ‘ослепительно белый, отливающий белизной’ [26, с. 115] > як. *туналый* ‘быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом’ [26, с. 115];

> *туналхай* ‘ослепительно белый, светлый, ясный’ [26, с. 115];

> *тунал* ‘отливающий белизной’ [26, с. 114] > *туналы* ‘отливающий белизной’ [26, с. 114, 115];

> *туналбан* ‘яркий, ясный, сияющий, отливающий белизной’ [26, с. 114] > *туналбаннаах* ‘очень светлый, ясный, такой гладкий, чистый, что блестит, лучезарный’ [26, с. 115].

Основа данных слов, вероятнее всего, восходит к монг. глаголу *tuni-* – халх., бур. *туна-*, калм. *тун-* ‘оседать, отстаиваться, становиться прозрачным (о жидкости)’ с присоединением аффикса *-л* (ср. также параллели халх., бур. *тунга-*, калм. *туңһа-* ‘очищать, процеживать’, бур. *тунга* ‘нетронутый, нехоженный, свежий; чистый (о воздухе)’, *tungyalay* халх., бур. *тунгалаг*, калм. *туңһлг* ‘прозрачный, чистый, ясный’) [24, с. 182]. В свою очередь в ДТС мы обнаруживаем близкий по значению и форме глагол, глагол *tun-* ‘успокаиваться, затихать’, существительное *tun* ‘покой, спокойствие’ [27, с. 586]. Среди параллелей в других тюркских языках можно упомянуть кирг. *тун-* ‘стать чистым, прозрачным, отстояться (о жидкости)’ [28, с. 267]. Предполагаем, что данная группа слов имеет общий корень с *тунах* ‘молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отела’ [26, с. 116], и прототипом белого света является отстоявшаяся молочная пища или жидкость.

Обозначения блеска

Образный глагол: килбэй – прототип: отблеск наконечника

Глаг. *килбэй* ‘отсвечивать, блестеть; лучиться, сверкать (о солнце); раскрыться, четко, ясно предстать перед глазами; заблестеть’, ср. монг. *гилбэ* ‘блестеть, озарять, освещать’ [18, с. 93] > ЦО *килбиэннээх*, *килбэйэнэ*, *килбэн*, *килбэннэс*.

> (сущ.) *килбиэн* ‘блеск, сияние чего-л. очень яркого; отблеск лучей (солнца, луны)’ [18, с. 91] > *килбиэннээх* ‘безукоризненно чистый, лучезарный; безупречный’ [18, с. 92];

> *килбэйээнэ* ‘лучезарный, чистый (лик)’ [18, с. 93];

> *килбэн* ‘сверкающий, широкий, светлый’ [18, с. 93];

> *килбэннэс* ‘сверкающий, сияющий’ [18, с. 94].

В современном монгольском языке функционирует большое количество близких по форме и значению слов, например: *гилбэгнэхийх* ‘поблескивать, издавать блеск’; *гилбэгнэх I* ‘стать блестящим, заблестеть, сверкать; отражать свет, отсвечивать’; *гилбэр I* ‘железный наконечник’, *гилбэр II* ‘пика’; *гилгэрдэх* ‘быть гладким, блестеть, лосниться’ и др. [29, с. 547]. В ЭСМЯ находим следующие параллели: стп. монг. *gilayar*, халх. *гялгар*, бур. *гилагар* ‘гладкий, блестящий, глянцевоый’; стп. монг. *gilayi-*, халх. *гялай-*, бур. *гилай-* ‘блестеть, сверкать; халх. (перен.) просиять от радости’; стп. монг. *gilba-*, халх. *гялба-*, бур. *гилба-*, калм. *гила-* ‘блестеть, сверкать, слепить, играть всеми цветами радуги’; стп. монг. *gilber* халх. *гилбэр* ‘широкий наконечник’ [20, с. 44].

На основе словарных дефиниций можно выделить такие общие семы, как ‘блеск’, ‘гладкость’, ‘отсвечивание’, ‘наконечник’. Из этого следует предположить, что комплекс однокоренных цветообозначений, производных от образного глагола *килбэй*, выражает отсвечивание солнечного света неким гладким, отполированным металлом, скорее всего, наконечником стрелы или пики. Следовательно, семантическим прототипом данной группы цветообозначений можно назвать отблеск наконечника.

Заключение

Таким образом, мы предполагаем, что цветоцветовая семантика в якутском языке представляет собой отдельную группу, среди которых особое место занимают образные прилагательные, образованные от образных глаголов светового восприятия. Семантика образной лексики имеет сложную организацию, т. е. одним словом выражается целый комплекс сем (динамика, темпоральность, форма предмета и т. п.), но общим для всех является ‘цветоцветовой признак’. Анализ этимологии их значений показывает, что образная цветоцветовая семантика, как и их исходные образные глаголы, восходит к монгольской лексике, однако большинство из них имеет праалтайское происхождение и обнаруживает параллели в других тюркских языках. Необходимо дальнейшее изучение цветообозначений якутского языка монгольского происхождения, т.к. данный пласт «включает в себя сложные вопросы о формировании и генезисе якутского языка» [30, с. 162].

Предприняты предварительные попытки по выявлению прототипических объектов для некоторых якутских лексем, обозначающих темноту, светлоту и блеск. Для этого проанализирована семантика образных цветообозначений в сопоставлении с этимологией их значений и с параллелями в других родственных языках. Производные слова в своем значении одновременно выражают разнообразие качества своего прототипа (не только сему света, но и, например, сему движения и темпоральности), чем, возможно, обусловлена комплексность и сложность семантики образной лексики в якутском языке. Так, прототипами определены: для темноты – темное месиво (ЦО *будул*), темный силуэт (ЦО *барыарбах*), для серого, пепельного – пыль, пепел, туман (ЦО), для обозначения бледности – выцветшая трава (ЦО *күдээркэй*), для светлого – солнечный луч (ЦО *сандаархай*, *сандаарыннас*), белого – отстоявшееся молоко (ЦО *тунал*, *туналбан*, *туналбаннах*, *туналхай*, *туналы*, *туналыннас*, *тунаар*, *тунаархай*, *тунаархайдыны*), для блестящего и белого – отблеск металла (ЦО *кылбаар*,

кылбаархай, кылбаарытта, кылбабар, кылбалдыгас, кылбан, кылбаннас, кылбаран, кылбардыыр(а), кылбархай, кылбары, килбиэннээх, килбэйээнэ, килбэн, килбэннэс).

Сокращения

баш. – башкирский, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, калм. – калмыцкий, кирг. – киргизский, маньчж. – маньчжурский, монг. – монгольский, ПА. – праалтайский, ПТю. – пратюркский, стп. монг. – старописьменный монгольский, халх. – халха-монгольский, ЦО – цветообозначение, чув. – чувашский, як. – якутский

Л и т е р а т у р а

1. Габышева Л.Л. Метафорика света и тьмы в языке и фольклоре якутов. *Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики: сборник материалов IV Международной очно-заочной научно-практической конференции.* Якутск-Харбин: Среда; 2018:49-56.

2. Убрятова Е.И. *Исследования по тюркским языкам.* Новосибирск: РИЦ НГУ; 2011:282.

3. Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке.* Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР; 1954:312.

4. Егинова С.Д. *Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками).* Новосибирск: Наука; 2014:231.

5. Ефремов Н.Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения в якутском языке (структурно-семантический анализ). *Северо-Восточный гуманитарный вестник.* 2017;3(20):112-118.

6. Ефремов Н.Н. Пространственные конструкции якутского языка, формирующиеся образными глаголами. *Предложение как единица языка и речи: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной.* Новосибирск: ФГБУН ИФЛ СО РАН; 2019:60-62.

7. Ефремов Н.Н. Пространственные конструкции якутского языка, формирующиеся образными глаголами баадай, баадбай, баакай. *Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки.* 2020;1(56):31-37.

8. Ефремов Н.Н. Образные глаголы движения в якутском языке. *Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М.Ч. Чумакаевой.* Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова; 2018:50-58.

9. Монастырев В.Д. Структурно-семантические особенности образных глаголов, характеризующих движение (на материале якутского и монгольского языков). *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: Материалы Международной научно-практической конференции.* Якутск: Издательский дом СВФУ; 2018:86-92.

10. Шамаева А.Е., Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие лицо человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольских языков. *Мир науки, культуры, образования.* 2020;6(85):478-481.

11. Шамаева А.Е., Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие фигуру человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольского языка. *Мир науки, культуры, образования.* 2020;6(85):553-555. DOI 10.24412/1991-5500-2020-685-553-555.

12. Вежибицкая А. *Язык, культура, познание.* Москва: Русские словари; 1996:416.

13. Физика: Энциклопедия / Под ред. Ю.В. Прохорова. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2003:944.

14. Иттен И. *Искусство цвета.* Москва: Издатель Дмитрий Аронов; 2018:95.

15. Кульпина В.Г. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер.* Москва: МАКС Пресс; 2019:288.

16. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2005:912.

17. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. I А–Е: / гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва: ИВ РАН; 2015:224.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 13 т. Т. IV: Буква К. Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2007:672.
19. Пекарский Э. К. *Словарь якутского языка*: в 3 т. Т. I. Москва, Акад. наук СССР; 1958:1279.
20. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. II: G–P. Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва: ИВ РАН; 2016:232.
21. Диалектологический словарь якутского языка. Сост.: П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. Москва: Наука; 1976:392.
22. Starostin SA, Dybo AV, Mudrak OA (eds.). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill; 2003:1556.
23. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөөбөр). Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2011:572.
24. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 томах. Т. 3 : Q–Z. Под редакцией Г.Д. Санжеева, редакторы-составители Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва: ИВ РАН; 2018:240.
25. Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. Москва: Наука; 1989:292.
26. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ). Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2014:528.
27. Древнетюркский словарь. Ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, ЛО АН СССР; 1969:677.
28. Киргизско-русский словарь. Кн. 2. Л–Я. Сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии; 1985:480.
29. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 1. А–Г. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Москва: Academia; 2001:520.
30. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. К вопросу о монгольских заимствованиях в якутской лексике (на материале названий пушных животных). *Вестник СВФУ*. 2024;21(3).159-172.

References

1. Gabysheva LL. Metaphors of light and darkness in the language and folklore of the Yakuts. In: Petrova SM, Antonova EA, Zalutskaya SYu, Zhondorova GE, Oshchepkova AI (eds.). *Russian studies in the North-East of Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: innovative practices: Proceedings of materials of the IV International scientific and practical conference, 1-20 November 2018, Yakutsk, Russia, Harbin, China*. Yakutsk-Harbin: Sreda; 2018:49-56 (in Russian).
2. Ubryatova EI. *Studies on the Turkic languages*. Novosibirsk: RIC NSU; 2011:282 (in Russian).
3. Kharitonov LN. *Types of verb stems in the Yakut language*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954:312 (in Russian).
4. Eginova SD. *Figurative adjectives of the Yakut language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages)*. Novosibirsk: Nauka; 2014:231 (in Russian).
5. Efremov NN. Figurative verbs, forming the spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017;3(20):112-118 (in Russian).
6. Efremov NN. Spatial constructions of the Yakut language, forming figurative verbs. *Sentence as a unit of language and speech: Proceedings of the All-Russian scientific symposium with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of M.I. Chermisina, 8-11 October 2019, Novosibirsk, Russia*. Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS; 2019:60-62 (in Russian).

7. Efremov NN. Spatial constructions in the Yakut language formed by the figurative verbs *баадаһ, баадыһ, баакаһ*. *Vestnik of the Tuvan State University. Social sciences and humanities*. 2020;1(56):31-37 (in Russian).

8. Efremov NN. Figurative verbs of motion in the Yakut language. In: *Altai language and its dialects: current state, prospects development*: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the famous Altai linguist M.Ch. Chumakaeva, 10-12 October 2018, Gorno-Altai, Russia. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies; 2018:50-58 (in Russian).

9. Monastirev VD. Structural and semantic features of figurative verbs characterizing movement (based on the material of the Yakut and Mongolian languages). *Comparative and comparative study of Turkic and Mongolian languages*: Materials of the International Scientific and Practical Conference, 2018, Yakutsk, Russia. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2018:86-92 (in Russian).

10. Shamaeva AE, Sleptsova OD. Yakut figurative verbs describing human's face compared to Mongolian parallels. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2020;6(85):478-481 (in Russian).

11. Shamaeva AE, Sleptsova OD. Figurative verbs characterizing a human figure in the Yakut language in comparison with their parallels from the Mongolian language. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2020;6(85):553-555 (in Russian).

12. Vezhbitskaya A. *Language, culture, knowledge*. Moscow: Russian dictionaries; 1996:416 (in Russian).

13. Prokhorova YuV (ed). *Physics: Encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2003:944 (in Russian).

14. Itten I. *The Art of Color*. Moscow: Publisher Dmitry Aronov; 2018:95 (in Russian).

15. Kulpina VG. *Linguistic colorology: from history to modernity of color conceptual spheres*. Moscow: MAX Press Publ.; 2019:288 (in Russian).

16. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka; 2005:912 (in Russian).

17. Sanzheev GD, Kontsevich LR, Rassadin VI, Leman YaD. Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 volumes. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2015:224 (in Russian).

18. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: 13 volumes (Letter K). Volume 4. Novosibirsk: Nauka; 2007:672 (in Russian).

19. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1958:1 (in Russian).

20. Sanzheev GD, Kontsevich LR, Rassadin VI, Leman YaD. Etymological dictionary of Mongolian Languages: in 3 volumes. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2016:232 (in Russian).

21. Afanasyev PS, Voronkin MS, Alekseev MP. Dialectological dictionary of the Yakut language. Moscow: Nauka; 1976:392 (in Russian).

22. Starostin SA, Dybo AV, Mudrak OA (eds.). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill; 2003:1556 (in English).

23. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes (Letter C). Volume 8. Novosibirsk: Nauka; 2011:572 (in Russian).

24. Sanzheev GD, Kontsevich LR, Rassadin VI, Leman YaD. Etymological dictionary of Mongolian languages. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2018:240 (in Russian).

25. Sevortyan EV, Levitskaya LS. Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases for the letters “Ж”, “Ж”, “Й”. Moscow: Nauka; 1989:292 (in Russian).

26. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes (Letter T). Volume 11. Novosibirsk: Nauka; 2014:528 (in Russian).

27. Nadelyaev VM, Nasilov DM, Tenishev ER, Shcherbak AM (eds.) *Ancient Turkic Dictionary*. Leningrad: Nauka; 1969:677 (in Russian).

28. Yudakhin KK. Kyrgyz-Russian dictionary. Book 2. Frunze: Main editorial office of the Kyrgyz Soviet Encyclopedia; 1985:480 (in Russian).

29. Pyurbееv GTs (ed.). Large Academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 vols. Volume 1. A-G. Moscow: Academia; 2001:520 (in Russian).

30. Turantaeva NV, Malysheva NV. On the issue of Mongolic borrowings in Yakut vocabulary (based on the names of fur-bearing animals). *Vestnik of NEFU*. 2024;21(3):159-172 (in Russian).

Сведения об авторе

ТИМОФЕЕВА Айталина Владимировна – м. н. с. международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3310-942X

E-mail: aitalina0895@gmail.com

Information about the author

Aitalina V. TIMOFEEVA – Junior Researcher of the Arctic Linguistic Ecology Lab, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3310-942X

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 04.02.25

Принята к публикации / Accepted 25.02.25